

Урнов Д.М. Эпистолярная литература // Краткая литературная энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8. С. 918–920.

Шер Е.Ю. «Последний Колонна» В. К. Кюхельбекера : реализация замысла романа в письмах : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

УДК 821.161.1-1(Лермонтов М. Ю.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,445

Е.А. Акимова

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

**«МОЙ ДЕМОН» (1829) И «МОЙ ДЕМОН» (1830-1831)
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК «ПОЭТИЧЕСКИЙ ДУБЛЬ»**

Аннотация. В статье сопоставляются два стихотворения М.Ю. Лермонтова, относящиеся к раннему периоду творчества поэта, – «Мой Демон» (1829) и «Мой Демон» (1830-1831). Опираясь на наблюдения исследователей над феноменом самоповторений в лирике Лермонтова, автор статьи в процессе анализа стихотворений приходит к выводу о значимости «поэтических дублей» для понимания характера творческой эволюции поэта. Внимание к творческой лаборатории Лермонтова способствует уточнению представления о творческой индивидуальности поэта.

Ключевые слова: творческая индивидуальность, поэтическое творчество, русская литература, русские поэты, анализ стихотворений.

Обращение к своему собственному материалу как особенность творчества М.Ю. Лермонтова была замечена давно. Одним из первых на эту особенность обратил внимание В.Т. Плаксин (1848)¹, отметив, что «повторения мыслей» у поэта «можно считать десятками» [Плаксин 2002: 171]. Плаксин полагал, что это является следствием «фанатической навязчивости», обнаруживающейся в сосредоточенности поэта

¹ Преподаватель словесности в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где в 1832 – 1834 гг. обучался поэт [см. об этом: Лермонтовская энциклопедия 1981: 626].

на одной и той же «личной» думе, которая «более или менее отражается почти во всем, что он создал или произвел [Там же: 178]. Независимо от В.Т. Плаксина, на явление самоповторений в творчестве Лермонтова указала известная в 30-е годы поэтесса Е. П. Ростопчина (в письме к А. Дюма-отцу от 27 августа/10 сентября 1858 г.). В пристрастии Лермонтова к самоповторениям, по мнению Ростопчиной, проявляется особенность его творческого процесса: поэт «набрасывал на бумагу стих или два, пришедшие в голову, не зная сам, что он с ними сделает, а потом включал их в то или другое стихотворение, к которому, как ему казалось, они подходили». При этом, замечает Ростопчина, мысль у Лермонтова «постоянно не имеет полноты, неопределенна и колеблется», и это делает возможным ее повторения [Цит. по: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях... 1989: 361].

Затем интерес к самоповторениям угасает и появляется вновь только в начале XX века. Очевидно, это связано с тем, что в преддверии юбилейной даты – 100-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова – начинают активно издаваться собрания сочинений поэта, в которые включаются его ранее не публиковавшиеся произведения. К юбилейной дате был приурочен выход в свет сборника «Венок Лермонтову» (1914), в котором интерес для нас представляет статья В.М. Фишера «Поэтика Лермонтова». Исследователь был одним из первых, кто, говоря о самоповторениях («навязчивости», «большой устойчивости образов и речений»), обратил внимание не только на поэмы «Боярин Орша» и «Мцыри» (как, например, В.Т. Плаксин в статье «Сочинения Лермонтова»), но и на стихотворения поэта («К***», «Он был рождён...»), «Не смейся над моей пророческой тоскою...», «Памяти А. И. О<доевско>го», «Дума»), увидев в использовании повторяющихся элементов одну из характерных особенностей лермонтовской поэтики.

Свое понимание проблемы самоповторений формулирует Б.М. Эйхенбаум в монографии «Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» (1924). Изучая поэмы Лермонтова, Эйхенбаум приходит к выводу, что его самоповторения

«представляют собой чисто-стилистические клише, не связанные с материалом одной определенной вещи и потому блуждающие по разным произведениям» [Эйхенбаум 1924: 74].

Другой подход к объяснению явления самоповторений обнаруживаем в монографии С.Н. Дурылина «Как работал Лермонтов» (1934). Исследователь рассматривал эту проблему на материале трёх поэм – «Борян Орша», «Исповедь» и «Мцыри» – и приходит к выводу, что они являются «тремя редакциями одного и того же произведения, как рассматривал их сам Лермонтов» [см.: Дурылин 1934: 76 – 78].

Оригинальная трактовка проблемы самоповторений поэта содержится в монографии Б.Т. Удодова «М.Ю. Лермонтов: художественная индивидуальность и творческие процессы» (1973). Исследователь впервые, обращаясь к рукописям, черновикам Лермонтова, рассмотрел феномен самоповторений в контексте творческих процессов, которыми отмечена литературная деятельность поэта. Главное открытие Удодова состоит в том, что он увидел в повторяющихся образах, мотивах («истинных» самоповторениях) «кирпичики», которые составляют картину поэтического мира Лермонтова. Повторяющиеся образы, мотивы, поэтические формулы Лермонтова несут на себе глубокий отпечаток личности поэта и его художественной системы. «Лермонтовские поэтические формулы, – справедливо подчеркивает Б. Т. Удодов, – это сгустки образных ассоциаций, “аккумуляторы” философско-эстетических представлений поэта, опорные точки художественной модели мира» [Удодов 1973: 296]. Они впитывают в себя жизненный и поэтический опыты поэта, их повторяемость, считает исследователь, способствует не только восприятию произведения, но и пониманию художественного мира поэта.

В последнее десятилетие публикуются работы, если можно так выразиться, локального масштаба, когда в центре внимания оказываются «самоповторения», обнаруживаемые в конкретных стихотворениях. Так, в статье «“Поле Бородина” – “Бородино”: к проблеме “самоповторений” М.Ю. Лермонтова» (2012), С.И. Ермоленко обращается к паре стихотворений (или, если воспользоваться определением Б.Т. Удодова,

«поэтическому дублю»), не раз привлекавшей внимание исследователей. Сопоставляя эти два стихотворения, Ермоленко приходит к важному, с нашей точки зрения, выводу: в «Бородино» появляется новая для Лермонтова субъектная форма выражения авторского сознания, а именно – герой «ролевой» лирики. Если раньше исследователи рассматривали самоповторения в широком масштабе – в контексте всего, даже не только лирического, но и поэтического творчества Лермонтова, то здесь мы видим другой подход: идя от частного к общему, анализируя конкретный «поэтический дубль» (термин Б.Т. Удодова) исследователь не просто констатирует факт движения Лермонтова к реализму (а возникновение «ролевой» лирики – именно показатель такого движения), но и выявляет, какими изменениями в художественной структуре стихотворения эта динамика сопровождается. Это, на наш взгляд, позволяет говорить о характере творческой эволюции М.Ю. Лермонтова.

Рассмотрим в указанном аспекте пару стихотворений – «Мой демон» (1829) и «Мой демон» (1830-1831).

Первые четыре строки этих стихотворений почти полностью совпадают:

Собрание зол его стихия.	Собрание зол его стихия;
Носясь меж <i>дымных</i> облаков,	Носясь меж <i>темных</i> облаков,
Он любит бури роковые	Он любит бури роковые
И пену рек, и шум дубров. (57) ¹	И пену рек и шум дубров... (318)

В стихотворении «Мой демон» 1829 года поэт впервые обращается к образу Демона. Само заглавие говорит о субъективном и глубоко личном видении и переживании лирическим субъектом Лермонтова, не персонифицированным в стихотворении, образа демона («Мой демон»), в восприятии которого дается этот образ. Нестрофическая композиция стихотворения призвана подчеркнуть цельность образа демона. Демон, по библейской традиции, – ангел, который восстал против бога, против существующего миропорядка и был низвергнут в ад, стал духом зла. Противостояние,

¹ Здесь и далее цит. по: [Лермонтов 1954]. Курсив в цитатах наш. – Е.А.

романтическое по своей природе, выносится на «земной» уровень. Первое изображение демона даётся через описание природы, которое задаёт эмоциональный тон:

Носясь меж *дымных облаков*,
Он любит *бури роковые*,
И *пену рек*, и *шум дубров*.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижимый трон;
На нём, средь *ветров онемевших*,
Сидит уныл и мрачен он. (57)

Бушующая стихия, рокот волн – олицетворение мятежного начала демона, его страсти к разрушению. Динамика в подчеркнута романтическом изображении природы созвучна внутреннему состоянию демона, но состоянию, скрытому от «посторонних» глаз: он «мрачен и уныл». Но в то же время величие и власть демона, символом которых являет «недвижный трон», соседствуют с его «мрачностью» и «унынием», он безгранично одинок, его окружают лишь «ветры онемевшие». Жёлтые, облетевшие листья, среди которых «стоит» трон демона, создают атмосферу увядания и смерти, которая олицетворяет злое начало. Обратим внимание на контраст, с помощью которого создается образ Демона. С одной стороны, этот образ необычайно динамичен («*Носясь меж дымных облаков...*»), что является выражением его мятежной неуспокоенности, подчеркнутой бурной динамикой в природе («*бури роковые*», «*пену рек*, и *шум дубров*»). А с другой стороны, акцентируется неподвижность Демона, как будто бы противоречащая только что отмеченной динамике: он «*сидит*» (а только что «*носился*») на своем «*недвижном троне*» «уныл и мрачен». Так, обозначается внутренняя противоречивость образа Демона.

Сущность образа Демона раскрывается в строках, подчеркнутых с помощью анафоры: «*Он презрел чистую любовь, / Он все моленья отвергает, / Он равнодушно видит кровь...*»). Однако далее снова обнаруживается двойственность его природы:

И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей... (57)

Демону не чужды «высокие ощущения», но он намеренно «давит» их, так как не верит в искренние, светлые чувства. «Перед его “неземной” мрачной силой отступает и традиц. просветляющая, примиряющая “муза кротких вдохновений”» [Лермонтовская энциклопедия 1981: 282].

Так, образом «*моего*» Демона лермонтовский лирический субъект выражает свое трагическое, раздвоенное мироощущение. Конфликт человека с миром получает глубокое философское осмысление, переходя на уровень борьбы добра и зла, бога и дьявола.

В стихотворении «Мой демон», написанном в период с 1830 по 1831 гг., поэт продолжает тематику, обозначенную в первом стихотворении, но значительно усложняет и углубляет её. Образ Демона конкретизируется, приобретает земные, человеческие черты:

Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну. (318)

Подробная детализация во втором стихотворении призвана полнее раскрыть образа Демона, которого одолевают страсти, метания («К *ничтожным* хладным толкам света / Привык прислушиваться он, / Ему *смешны* слова привета / И всякий *верящий смешон*»; «Глокает жадно дым сраженья / И пар от крови пролитой» – для сравнения: Он *равнодушно* видит кровь («Мой демон», 1829); «Родится ли *страдаец* новый, / Он *беспокоит* дух отца...»). Демон страдает и мечется не только сам, но и мучает душу лирического субъекта. Озаряя разум лирического субъекта «лучом чудесного огня», «показывая» ему «образ совершенства», он в то же время «отнимает» у него этот «образ», лишая надежды на счастье. Вследствие этого, «совершенство мира и собств. блаженство открываются лирич. герою как недостижимая цель в процессе вечных поисков, разочарований и сомнений» [Лермонтовская энциклопедия 1981: 282].

Если в первом стихотворении Демон изображался как бы со стороны, еще неясно (для самого лирического субъекта),

скрытым в «дымных облаках» («Носясь меж *дымных* облаков...»), то теперь подчеркнута его связь с лирическим субъектом: «И гордый демон не отстанет, / Пока живу я, от меня...». Демон полностью овладевает мыслями лирического субъекта, это, по сути, его второе «я».

Если сравнивать отрывок, который повторяется в первом и во втором стихотворении, то особое внимание обращает на себя синтаксис. В первом стихотворении в конце первой строфы стоит точка, однородные члены разделены запятой, что несколько замедляет движение стиха: будто Демон изображен именно в тот момент, когда «звук» его «высоких ощущений» уже подавлен «голосом страстей». Во втором же стихотворении в конце первой строки стоит точкой с запятой, а далее между однородными членами нет никаких знаков («Он любит *бури* роковые / *И пену* рек *и шум* дубов...»), как будто это надлежит прочесть «на одном дыхании». В то же время повтор союза «и» несколько напрягает стих, создавая с самого начала стихотворения напряженность интонации. Так, подчёркивает страстность природы Демона, одолеваемой противоречивыми чувствами и находящегося в разладе со всем миром.

Справедливо суждение Б.Т. Удодова: образ Демона, зародившийся ещё в детском сознании поэта, преследовал его всю жизнь, отсюда и частое появление этого образа или намёка на него во всей лирике поэта [см.: Удодов 1973: 289]. Стоит принять во внимание и то, что рассматриваемые нами стихотворения пишутся одновременно с начавшейся работой Лермонтова над поэмой «Демон». Как справедливо замечает Л.А. Ходанен, многозначный по своей природе «миф о Демоне» формировался постепенно в творческом сознании Лермонтова [Ходанен 1990: URL]. Логично предположить, что, прежде чем приступить к разработке образа Демона в таком еще сложном для всякого юного поэта жанре как поэма, Лермонтов попробовал сделать набросок этого образа в небольших по объему стихотворениях, что, на наш взгляд, прекрасно иллюстрирует рассмотренный выше «поэтический дубль», позволяющий проникнуть в творческую лабораторию поэта.

Однако дальнейшие размышления над темой Демона в лермонтовском творчестве уже выходят за рамки статьи.

Литература

Лермонтов М.Ю. Собр. соч. : в 6 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. Т.1.

Ермоленко С.И. «Поле Бородина» – «Бородино» : к проблеме «самоповторений» М.Ю. Лермонтова // Филологический класс. 2012. №1. С. 18 – 21.

Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. М. : Сов. энциклопедия, 1981.

М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1989.

Плаксин В.Т. Сочинения Лермонтова // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. СПб. : РХГИ, 2002. С. 162 – 181.

Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов : Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1973.

Фишер В.М. Поэтика Лермонтова // Венюк М.Ю. Лермонтову : юбилейный сборник. М. ; Пг. : Издание Т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 196 – 236.

Ходанен Л.Я. Поэмы М.Ю. Лермонтова : Поэтика и фольклорно-классические традиции : учеб. пособие / науч. ред. Т.Г. Черняева ; Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 1990. URL : <http://lermontov.niv.ru/lermontov/kritika/hodanen/poemy-roetika.htm> (дата обращения: 08.11.2016).

Эйхенбаум Б.М. Лермонтов : Опыт историко-литературной оценки. Л. : Гос. изд-во, 1924.